

Режиссёр Хэ не стал озвучивать результаты голосования — только объявил, что все полученные детские голоса были конвертированы в сумму пожертвования для образовательного фонда «Утренняя звезда». Никто не занял первое место, никто не оказался последним — деньги перевели прямо на глазах у всех, и на этом история с «рейтинговой гонкой» закончилась.

Небо затянуло, воздух стал душным, надвигалась гроза.

Рядом со школой, на ровном участке земли, съёмочная группа расстелила несколько влагонепроницаемых ковриков, вокруг зажгли походные лампы — мягкий тёплый свет очертил уютный круг. Началась запись дополнительного блока шоу — «Вечер откровений „Утренняя звезда“». Все участники сидели прямо на земле; вдаль, в сгущающихся сумерках, постепенно растворялись силуэты горной деревушки.

Хэ-дао улыбнулся:

— Сегодня был трудный день, да? Наверное, у каждого из вас полно мыслей. Так что давайте просто поговорим — что увидели, что почувствовали. Без официоза, просто по-дружески.

Все по очереди начали делиться впечатлениями.

Когда очередь дошла до Цун Цзиньюэ, разговор зашёл о его песне.

— Пел ты сегодня потрясающе! — воскликнула Е Цинлань. — Почему выбрал именно эту песню?

Цун ответил, что счёл её особенно подходящей — ведь у этих детей есть редкое качество: они, как камни, твёрдые и стойкие.

«Эту песню я написал, когда переживал самый тяжёлый период в жизни. Тогда мне хотелось стать именно таким — упрямым, негибаемым, чтобы не сломаться перед обстоятельствами».

Наступила короткая тишина. Почти все знали, через что он прошёл — смерть матери, долгий перерыв в карьере, болезненное возвращение в индустрию.

Конечно, он понимал, что затрагивать личные раны в кадре выгодно — публика любит исповеди. Но сейчас это было бы неуместно: центр внимания должны быть не его страдания, а дети.

Он перевёл разговор:

— Моя жизнь в целом скучная. Съёмки, спортзал, дом — вот и весь маршрут. Всё время — репетиции, сценарии, подготовка к ролям. Иногда кажется, что на любовь, брак, даже на семью просто не остаётся места. Я и отца редко навещаю... стыдно.

Он смущённо усмехнулся:

— Простите, что-то меня понесло. В общем, я понял, что человеку нужно уметь расслабляться и смотреть по сторонам, а не жить всё время в натянутой струне.

Е Цинлань закивала:

— Да, да! Ты слишком серьёзно относишься к работе, Юэ-ге! Мы ведь несколько раз с режиссёрами звали тебя просто поужинать — а ты всё „на съёмках, на съёмках“! Надо уметь

отдыхать!

Все посмеялись, и разговор плавно перешёл к теме сельской помощи.

Ци Янь, человек практичный, рассказал о проектах своей компании:

— Мы уже думаем увеличить инвестиции именно в адресные программы помощи деревням, чтобы эффект был ощутимее.

Сун Юфэй шутливо вставил:

— Ну, можно начать с их „петушиных тележек“! Ты сегодня на одной чуть не разбился.

Все рассмеялись, вспомнив, как Ци Янь едва не перевернулся вместе с грузом.

— Да-да, транспорт надо модернизировать! — легко согласился тот.

— Хотя, — подколот Сун, — чувствуется личный интерес.

— Безопасность прежде всего, — рассмеялся Ци. — Кстати, спасибо Сяо Цзи, что тогда подхватил меня. Сила у тебя — ого! Я ведь метр восемьдесят пять, между прочим.

Цзи Шинянь, попав под всеобщие взгляды, шутливо напряг бицепс:

— Да так, по чуть-чуть тренируюсь, — сказал он с улыбкой.

— Вот поэтому рядом с ним чувствуешь себя в безопасности! — подмигнул Ци Янь.

Все снова засмеялись.

Когда слово передали Чжан Хуайсюю, он говорил спокойно, но от души:

«Бывает, работа кажется бесконечной и бесплодной. Тогда остаётся только одно — любовь к самому делу. Она и держит. Сегодня я хотел сказать детям именно об этом: уметь сосредоточиться, терпеть одиночество, ценить путь».

Сун Юфэй кивнул:

— Это точно! Я даже подумал: если бы Чжан-лаоши стал настоящим учителем, он был бы тем, кто не замечает звонка на перемену и сразу начинает следующий урок!

Все дружно засмеялись, включая Чжана.

— Твоя работа тоже требует терпения, — ответил он мягко. — Без тебя сегодня мы бы не справились.

Хэ-дао подвёл итог:

— У нас вообще сильная команда — Чжан-лаоши, Цун-лаоши, Е-лаоши... Все настоящие актёры, те, кто по-настоящему любит сцену.

Цун лениво крутил травинку между пальцев и вдруг усмехнулся:

— Когда я только поступил в Академию, наш педагог всё время повторял: „Искусство выше неба“. Тогда я думал, что это просто значит „играй безупречно“.

Он сделал паузу, взгляд на мгновение скользнул в сторону Чжана, будто случайно, и тут же ушёл в сторону:

— Помню, как-то мы с... одним однокурсником поссорились из-за характера роли. Так разошлись, что чуть не пропустили репетицию. Сейчас смешно вспоминать. Но вот сегодня я вдруг понял, что слова „искусство выше неба“ можно понять совсем по-другому...

Чжан непроизвольно вслушался. Тёплый свет ламп обрисовал профиль Цуна — сосредоточенный, почти одухотворённый. Если забыть, что он за человек, то это было по-настоящему красиво.

Слишком красив, слишком убедителен.

Каждое слово — будто тщательно отрепетированное.

Он, наверное, и сейчас играет роль.

Чжан ощутил лёгкое раздражение: да, днём он видел, что тот может быть искренним — но всё равно, эта искренность всегда с примесью расчёта.

Сколько там правды, а сколько позы?

— Эй, Чжан-лаоши, ты опять задумался! — поддел Сун, похлопав его по плечу.

— А? — он вздрогнул.

— Мы тут вспоминали, что вы с Цуном — однокурсники в Академии. Он рассказывал, как тогда с кем-то поругался из-за роли. Не тебя ли он имел в виду?

Чжан на секунду потерял дар речи.

Репетиция, спор, ссора... и правда, было!

Щёки вспыхнули жаром.

— ...Не помню, — сухо сказал он, стараясь не смотреть на Цуна. — Слишком давно.

А тот уже ухмылялся.

— Ничего страшного, — с притворной мягкостью сказал Цун. — Чжан-лаоши всегда был очень серьёзным и послушным, наверное, просто не обратил внимания на такую мелочь. Давайте лучше поговорим о другом.

«Очень послушным»... правда, обязательно было так говорить?

Чжан сжал губы и промолчал.

Потом разговор перешёл к местным учителям и детям. Все признавали: пока сам не приедешь в такие горы, не поймёшь, насколько может быть глубокой бедность.

От деревни Яо до ближайшего города — всего три часа пути, но как далеко кажется этот мир для тех, кто живёт здесь.

Цун поднял голову, глядя на тяжёлые облака. Ему казалось, что вот-вот выглянет луна.

«Главное — не терять надежду. Пока есть ожидание завтрашнего дня, жизнь не бесполезна», — подумал он.

Позже, уже глубокой ночью, жители деревни пригласили всех на ужин. Ради гостей зарезали кур и уток — редкая роскошь для этих мест. Съёмочная группа сперва отказывалась, чувствуя себя неловко, но сельчане настояли: иначе нельзя будет отблагодарить как следует.

За длинным столом, при свете керосиновых ламп, актёры и команда подробно обсудили, как организовать дальнейшую помощь деревне Яо — не только в сфере образования, но и в сельском хозяйстве, инфраструктуре.

Все говорили наперебой, смеялись, спорили — и смех этот был уже не телевизионный, а настоящий, от сердца.

<http://bllate.org/book/12072/1079744>